

НА ЛИНИИ ФРОНТА
ПРАВДА О ВОЙНЕ

М.К. Грачев

**В БАТАЛЬОНЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ
СВЯЗИ**

**ВОСПОМИНАНИЯ
СЕМНАДЦАТИЛЕТНЕГО СОЛДАТА**

1943—1945

На линии фронта. Правда о войне

Михаил Грачев

**В батальоне правительственной
связи. Воспоминания
семнадцатилетнего
солдата. 1943—1945**

«Центрполиграф»

2020

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

Грачев М. К.

В батальоне правительственной связи. Воспоминания семнадцатилетнего солдата. 1943—1945 / М. К. Грачев — «Центрполиграф», 2020 — (На линии фронта. Правда о войне)

ISBN 978-5-227-09222-9

В книге Михаила Карповича Грачева (1926–2018) рассказано о судьбе совсем еще юного парня, в 17 лет призванного в Красную армию и дошедшего до самого берлинского Рейхстага. Несмотря на то что М.К. Грачев был распределен в батальон НКВД правительственной связи, ему неоднократно приходилось вступать в пехотный бой с упорно оборонявшимся врагом. Таковы были реалии стремительного и почти безостановочного наступления Красной армии в последний период войны. В то же время прямые служебные обязанности автора несколько раз сталкивали его с самыми прославленными полководцами. Книга записана со слов М.К. Грачева его сыном Н.М. Грачевым. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-09222-9

© Грачев М. К., 2020

© Центрполиграф, 2020

Михаил Грачев

В батальоне правительственной связи. Воспоминания семнадцатилетнего солдата. 1943—1945

*Светлой памяти моего отца,
молодого солдата Великой Отечественной войны
ГРАЧЕВА МИХАИЛА КАРПОВИЧА
посвящаю.*

Грачев Н.М.

- © Грачев М.К., 2020
- © «Центрполиграф», 2020
- © Художественное оформление

Где-то далеко-далеко, среди дремучих ярославских лесов медленно и спокойно, образуя глубокие омуты и перекаты, течет живописная река Кисть. Жаркое летнее утро июня 1941 года застало нас с братом на рыбалке. Плоскодонка собственного изготовления плавно скользит по спокойной воде к только нам известным самым рыбным местам. К полудню солнце начинает припекать, начинают донимать слепни. За поворотом, с шумом, подняв облако брызг, на берег выбегает лось, который, спасаясь от овода, стоял в воде по самую шею. Кругом все дышит покоем, и кажется нам, что так будет всегда.

Наш поселок Сивеж расположен в глухом лесу и состоит из четырех больших деревянных бараков самого невзрачного вида, изготовленных из елового, кое-как отесанного, проконопаченного мхом крупного кругляка. Каждый с общим коридором и множеством комнат. Одну из них занимает моя семья из семи человек: отец, мать, я – самый старший, три брата и одна сестра. В поселке есть магазин с небогатым выбором самой необходимой одежды и продуктов. Есть клуб и пекарня, где пекут хлеб. В ней хлебопеком работает наша мать. Работает сменами: то в утро, то в день, то в ночь. А в клубе проходят торжественные собрания по праздникам и иногда по вечерам местная молодежь устраивает посиделки.

Мой отец работает вальщиком леса, с раннего утра и до позднего вечера пропадает в делянках, пилит огромные березы, ели и сосны, и потом все это топорами очищают от сучьев и на лошадях вывозят на берег реки, где складировать в огромные штабеля до сплава, до подъема воды в реке Кисть. Работа эта очень тяжелая: донимают комары и слепни, приходится постоянно быть на улице. Солнце, мошкара, мороз, снег и ветер – все твое. Наш поселок живет своим внутренним миром, все про всех знают всё. Утаить от других ничего нельзя, не получится.

А до ближайшей деревни надо идти двенадцать километров глухим лесом по узкой, местами заросшей порослью ели и кустарника болотистой дороге. Взрослые работают, заняты на валке, обработке и сплаве леса. Детвора летом ловит рыбу, помогает родителям по хозяйству, а зимой на санях уезжает на учебу в школьный интернат в деревне Яковлево.

А сколько грибов и ягод! Дремучие леса Ярославской области богаты, животный мир разнообразен. Бродят лоси, медведи, волки и лисы, бегают зайцы. Мой отец часто берет меня на охоту на лося. Мне нравится быть в лесу, слушать шум деревьев, дышать особенным воздухом, замешанным на травах и смолах. Ноги без усталости отмеривают лесные километры, не хочется возвращаться домой. Эта любовь к лесу осталась у меня на всю жизнь.

Тихо потрескивая, горит костерок, мы с братом на ночной рыбалке. Теплое лето, на небе загорается множество звезд, тускло светит луна. Красиво и уютно, только одолевают полчища комаров. Приходится подкидывать в костер лапник, он дает густой дым, комары его не любят.

Уже стемнело, до деревни восемь километров, пора спать. Устраиваемся под перевернутой лодкой, и не зря. Всю ночь около лодки бродят волки, а с ними ночью встречаться совсем не хочется. Утром снова светит яркое солнышко, ночные детские страхи улетучиваются. Нас опять ждут удочки с самодельными крючками, изготовленными из обычного гвоздя, и глубокие омуты, полные рыбы.

Сивеж – это по счету, наверное, пятая или шестая деревня моего жительствова.

Родился я в ноябре 1926 года в небольшой деревне Меньшиково Фомицинского сельского совета той же Ярославской области, там родилась и жила моя мать, Анастасия Филипповна. И там же она познакомилась с моим отцом.

Моему детскому разуму не понять, почему отца все время тянет на переезды, нигде долго не задерживаясь, таскает за собой всю семью и устраивает свой быт на новом месте. Только в 1940 году мать призналась мне по большому секрету, что не давало ему покоя. Времена те были не простые, велась непримиримая борьба с «врагами народа»: различными бандами троцкистов, вредителей, диверсантов, шпионами различных враждебных нам государств и саботажниками, которые окопались на территории нашей области. А также с прочими непонятными простому люду недругами. Тогда особо ни в чем не разбирались. Из окрестных деревень и из нашего Сивежа частенько уезжали подводы со вновь выявленными «злодеями». В основном навсегда.

Товарищ Сталин, «отец всех народов» и генеральный секретарь ЦК ВКП(б) по совместительству, на партийной конференции в марте 1937 года научно, теоретически обосновал и благословил террор против врагов нашего Советского государства: «Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперед классовая борьба у нас должна будто бы все более и более затухать. Наоборот, чем дальше будут озлобляться остатки эксплуататорских классов, тем скорее они будут идти на более острые формы борьбы. Так учит нас история».

Тем самым руководитель нашего государства и партии дал зеленый свет репрессиям, борьбе против внутренних врагов нашей страны. И самоотверженная, беспощадная, без сна и отдыха борьба началась.

Только за август-ноябрь 1937 года в Ярославской области было решительно, со всей пролетарской ненавистью ликвидировано семь контрреволюционных церковных организаций и пятьдесят семь «повстанческо-церковных контрреволюционных групп». По этим делам было арестовано пятьсот шесть «врагов народа». Среди них: епископов – 3, попов – 237, монахов – 13, церковно-кулацко-повстанческого актива – 253. Всего из 153 расстрелянных в области священников в 1937 году было расстреляно 138.

Были созданы и повсюду энергично действовали по указанию «сверху» чрезвычайные внесудебные органы: «тройки» и «особые совещания», которые вершили скорый суд и расправу. С марта 1935 года к уголовной ответственности привлекались даже дети, начиная с двенадцати лет. Все строго! Поневоле с малых лет забоишься!

«Заботами» этих «троек» и «особых совещаний» в области в 1937–1938 годах было арестовано и расстреляно 1666 вновь выявленных «врагов народа»: 544 руководящих работника областного масштаба, в том числе более 40 руководителей горкомов и райкомов партии, 166 директоров промышленных предприятий, около 40 руководителей и преподавателей учебных заведений, 423 рабочих, 246 крестьян, 256 служащих.

На расстрел осужденных отправляли целыми списками, заверенными одобрительными резолюциями руководителей партии и правительства. А на собраниях трудовых коллективов и партийных собраниях выступающие требовали с трибун решительного усиления борьбы с

врагами народа: «Никакой пощады врагам народа!», «Расстреливать и расстреливать!», «Требуем увеличить квоты на расстрелы!», «Если это нужно для дела партии – пусть меня расстреляют!», «Поддерживаем политику партии!».

На фоне этой самоотверженной борьбы по ликвидации целых социальных групп, признанных ненадежными, все советское общество горячо поддержало линию партии на террор. Были, конечно, и такие, кто просто боялся, как бы самому не стать «врагом», но основная масса трудящихся была настоящими патриотами.

По слухам, в нашем районе, в селе Судай, тоже разоблачили тайную организацию священников – «злых врагов народа». Все эти преступники были своевременно выявлены, изобличены в своих преступных деяниях и вовремя расстреляны в подвалах ярославской областной тюрьмы. А то бы натворили несправедливых подрывных дел, потом расхлебывали бы мы долго все это. Ведь под самым носом у прихожан творили свои несправедливые дела. И никто этого даже не заметил!

В ходе следствия и допросов выяснили, что контрреволюционная церковная повстанческая организация в селе Судай была создана по заданию архиепископа Костромского и Галичского Никодима и состояла из пятнадцати тайных членов. В нее входили: пять попов, три монашки, четыре бывших кулака, один человек без определенных занятий и два единоличника. Все активные церковники. Всего пятнадцать человек. А руководил ею недавно вернувшийся из ссылки поп И.А. Нарбеков.

А в соседнем Чухломском районе дела были еще хуже. Там были разоблачены, усилиями наших органов, шпионы иностранных государств и диверсанты, которые «ставили своей целью убийство вождей партии». Там в «церковно-шпионско-повстанческую организацию» входило 30 человек. Из них: четыре попа, одиннадцать бывших торговцев и кулаков, три бывших дворянина, двое бывших полицейских, пять человек без определенных занятий и пять активных церковников-единоличников. Возглавлял ее бывший комиссар Красной армии, а ныне иеромонах и «финский шпион» П.А. Пикалев. На пару с бывшим потомственным дворянином, «польским шпионом», П.Н. Тулубьевым. Вот последний-то и ставил своей целью убийство руководителей партии и правительства: «Хотел поехать в Москву под видом крестьянина, попасть на прием к М.И. Калинин и убить его, нашего дорогого всесоюзного старосту, заранее припасенным ножом!» Ужас просто! Надо ли говорить, что и к ним были приняты соответствующие решительные, строгие и справедливые меры.

А враг окопался везде, даже в таких местах, что и не подумаешь, представить страшно. Выяснилось, что сам генеральный комиссар госбезопасности товарищ Ежов был, оказывается, затаившимся врагом государства! В 1940 году этот негодяй все-таки был изобличен, уличен в тайной подготовке государственного переворота и справедливо расстрелян. Бдительность и еще раз бдительность! Враг везде и кругом!

Со старинных церквей с отвращением сбросили колокола, вместе с крестами. Сами красивые и величественные здания частично разобрали на кирпич, а что не разобрали – обратили в склады и конюшни. С районного старого кладбища зачем-то сняли все надгробные дореволюционные плиты с могил своих земляков и устроили из них фундамент под магазин скобяных товаров. Как в песне поется: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья!» А затем построим новый мир, хороший. Вот и рушили, чтобы хороший мир было проще строить, быстрее.

Ходили-бродили среди народа всякие крамольные слухи. А за слухи, если слушал и не донес, уже светила статья, нехорошая. А если, не дай бог, еще и поддакнул по собственной глупости, тогда можно было собираться на лесозаготовки в места не столь отдаленные и холодные лет эдак на десять. По статье политической – 58-й. Вроде как враг нашего Советского государства и заклятый враг всего простого советского народа. Все боялись всего, в том числе сосед соседа. Не «брякнуть» бы чего лишнего, упаси бог!

Вот моему отцу, могучему мужику под два метра ростом, и угораздило попасть, по собственной дурости, в неприятную историю.

Заготовленный лес доставляли по Кисти, Виге, Унже, Волге и другим местным областным рекам в виде связок плотов. Это было возможно только во время разливов этих рек, в половодье. В этот период объявлялся настоящий аврал, чуть ли не военное положение. Для сопровождения, управления этими плотами выделялись мужики, работники лесных участков.

Похоже, что какой-то злой бес попутал моего отца и подшутил над ним. А скорее всего, попутал не бес, а сорокоградусная злодейка с наклейкой, до которой он был большой любитель. Напоказ мог гордо хлебать перед мужиками ложкой «тюрю»: налитую в тарелку водку с крошечным туда черным хлебом. Не каждый мог это сделать. По тем временам значит – и не мужик, а слабак! Такому мужику должно было быть стыдно за себя!

В самый разгар работы, когда отец со всеми ударными темпами перевыполнял очередные государственные планы по сплаву древесины в каком-то дальнем леспромхозе, плывший следом за ним плот со всего маху влетел в его плот и развалил его на отдельные бревнышки. Все поплыло само собой. Беда была полная. Мужики, четверо-пятеро, мигом протрезвели и побледили. По тем временам можно было выбирать для себя любую статью: саботаж, диверсия, вредительство. Причем на полном серьезе и с полной уголовной или политической ответственностью по законам того времени.

После доклада о происшествии схватился за сердце, позеленел и начальник участка. Что делать? Доложишь – сгубишь мужиков, не доложишь, а доложит кто-то другой, значит, сгубишь и себя, и всех остальных. Спасибо ему, оказался очень мужественным человеком. Решил потянуть несколько дней. Вроде все тихо, исчезайте мужики отсюда немедленно, пока не поздно. Чем быстрее, тем лучше!

Поздней ночью вся моя семья, бросив почти все пожитки, не прощаясь с соседями, углубилась пешком в ночной неприветливый лес. После различных мытарств по лесам, пришли в какой-то глухой лесной пункт леспромхоза. А дальше, замечая отцовы преступные следы, много раз меняли самые глухие места на места еще глуше и дальше. Удивительно, что все это отцу сошло с рук, повезло. Только мобилизация его на фронт в июне 1941 года сняла с нас все эти страхи. Такие вот были ужасы в то непростое время, кошмар какой-то, да и только.

Деревня наша Сивеж считалась зажиточной. Люди не ленились. Кроме работы на валке и обработке древесины, почти в каждом доме имелись коровы, козы, овцы, свиньи и многочисленная домашняя птица. То есть всегда в достатке на столе у местных жителей присутствовало молоко и мясо, свои яички из-под курочки, и свое масло, и свой творожок. В вырытых неподалеку погребках стояли многочисленные кадки соленых огурцов, кадушки рыжиков, волнушек, груздей и батареек глиняных горшочков с вкуснейшими вареньями из земляники, малины, черники, клюквы, крыжовника и смородины. А сколько всего сушилось и квасилось! В каждом погребе стояли пузатые бочонки с квашеной капустой на кислые щи зимой и на закуску к вареной и жареной картошке. Ждали своего часа различные сушеные ягоды на морс. Главное – не ленись.

А какое обилие даров животного мира из леса запасено на зиму!

С заготовкой дров проблем никогда не было, лосятины всегда засаливалось в бочках с избытком, зайчатина на столах моих земляков никогда не переводилась. А пестрые рябчики и черные петухи-глухари – это отдельная деликатесная тема, все в избытке. А сколько рыбы в наших лесных реках! Ее солили, жарили, парили, вялили, и она никогда не переводилась. Браконьеров тогда не было, и природа щедро приносила нам свои дары. Вот так жила наша глухая лесная деревня, неплохо жила, жаловаться грех. Только работай, не ленись.

Деревенский скот пасли по очереди, в основном мальчишки-подростки, если таковые имелись в семье. Вот и я гоню мычашее пестрое стадо в большое поле с перелеском. Босые

ноги давно привыкли к колкой траве. Лапти из бересты перекинута на веревочке через плечо – берегу. Они новые, жалко.

Проходит длинный летний день, в небе жарит яркое солнце, нет ни тучки, ни облачка. И животных, и меня уже закусали слепни, отбоя от них нет. Пора домой, начал собирать стадо. Не пойму: что-то случилось с коровами, как взбесились, с ума сошли. Бегу за одной – она от меня. Бегу за другой – она от меня, только хвосты крутят. Перелесок-то всего ничего, а все стадо разбежалось в разные стороны, хоть плачь. Шарахаются от меня, как от чумного. Собрать никак не могу. Бегал-бегал за ними, ноги все сбил, падал несколько раз, запнувшись за кочки. Еле-еле собрал своих буренок и погнал домой. Вот и наша деревня. Стадо громко мычит, коровы чувствуют запахи домашнего стойла и скорой дойки. Бредут по улице, позвякивая колокольчиками и помахивая хвостами, а навстречу своим любимицам уже выходят, спешат хозяйки: «Дочка! Дочка! Доченька...», «Краснуха, Краснуха...», «Пеструха, Пеструха...».

А у старого барака сидит на земляной завалинке древняя сморщенная старушка, бабка Марфа, смотрит на меня и смеется беззубым ртом. Шамкает: «Как уж я смеялась-то над тобой, Мишанька. Как ты, Мишанька, за коровушками-то бегал, как спотыкался, как падал-то. Уж посмеялась-то я. Это я тебе, Мишанька, сделала, пошутила над тобой. Но ты, Мишанька, на меня не сердись и меня не бойся, я ведь просто посмеялась. Я знаю, что ты, Мишанька, хороший мальчик!» И все как-то интересно говорит, не Мишенька, а Мишанька. Какое там «не бойся». Аж жутко стало, забоялся я, да еще как. Бабка эта считалась деревенской колдуньей, ее все побаивались. Как бы не сделала что плохое. Да и как она могла видеть меня, вот загадка. Никуда дальше этой завалинки она, по старости лет, давно уже не ходила. Чудеса прямо какие-то. Страшно. Потом долго старался обойти эту самую завалинку стороной. На всякий случай, боялся.

Днем мы, ребятня, загорелые на солнце как головешки, прыгаем с высокого берега в теплые воды реки Кисти, зажигаем у костра. Помогаем родителям в огородах, где растет основной деревенский продукт пропитания – картошка, а также лук, морковь, капуста, свекла, огурцы и помидоры в примитивных парниках и прочие огородные овощи. Парники тогда были в виде выкопанных в земле небольших прямоугольных углублений с заложенным туда горячим навозом и покрытых сверху каким-то домотканым материалом вроде половиков. Укрывали их при прохладной погоде и на ночь. Но все росло, всего было в достатке!

Собираем в лесу различные грибы и ягоды. Лето зиму кормит. Это нам прививают наши родители с раннего детства. Но это днем.

Вечером, после поливки огородов, вся многочисленная деревенская детвора высыпает на улицу. Играем в прятки или лапту, бегаем до самой темноты по пыльной деревенской улице, только сверкают босые пятки, весело! Беззаботное деревенское счастливое детство.

А поздним вечером становится прохладно. Босые ноги уже замерзают. И вдруг появляется мать с лапоточками в руках: «Мишенька, одень лапоточки, холодно!» Маленькое детское счастье. Одеваю, ногам становится тепло, и игра продолжается.

А потом окончательно темнеет, приятелей на улице уже мало, бегу домой. Страшно, кругом темнота, боязно непонятно отчего. Вот оно, крыльцо нашего дома. Таинственное стоит в сумерках и загадочное. Дверь открыта, и за дверным проемом сплошной мрак, не видно ничего. Но около дома я один, спасти меня будет некому, и со мной только мой детский страх и над головой черное звездное небо. Делать нечего. Набираюсь духу. Разбегаюсь и ныряю внутрь. Никто не хватает и не ловит меня на бегу, но все равно страшно. Уф! Наконец-то я дома! Спасся!

Вот так и бежали, летели мои детские годы в милых сердцу лесных краях под названием Вохтома.

Наконец школа, семилетка, закончена, пора подумать о хорошей профессии, хотя фантазии мои дальше жизни и работы в своей деревне не распространились. Нигде я больше не

был и ничего не видел. Казалось мне, что вся моя жизнь впереди и она бесконечна, всегда так будет. Но все хорошее когда-нибудь заканчивается, следом приходит и плохое.

Большая беда ворвалась к нам неожиданно ранним утром 26 июня 1941 года со стуком в дверь гонца из районного центра: «Война! Фашист напал! Карп Арсеньевич, распишись в получении повестки, на сборный пункт прибыть сегодня!»

Хмурый отец поцеловал младших детишек, зареванная мать собрала нехитрое пропитание в дорогу, и мы втроем пошли пешком за тридцать километров в район провожать отца. По пути наша группа росла. Шли призывники и провожающие из соседних деревень, курили махорку, обсуждали неожиданную весть, пили горькую, ругали Гитлера.

А вести до далекой лесной деревни, где мы жили, приходили тогда очень редко. Радио и телефонов в то время просто не было. Все сообщения передавали с гонцом, а он мог прийти или приехать верхом на лошади только в особо важных случаях. Тридцать километров дремучим лесом пешком или верхом, где полно волков и медведей, просто так топтать никто не будет. Съедят гонца-бедолагу вместе с лошадью и косточек не оставят. Особенно зимой, когда волки для охоты сбиваются в большие стаи и встреча с ними – путь в один конец. Да и встреча с голодным и злым медведем-шатунном, скорее всего, для путника закончится плохо. Дело серьезное, вопрос жизни и смерти.

Обстановки в мире никто не знал, да и интересовала она мало кого. Все время отнимал примитивный деревенский быт и тяжелая работа.

Наконец-то дошли, порядком устали. Вот она, затерянная среди лесов на просторах Родины, необъятного Советского Союза, наша сельская районная столица.

Деревянное, старинное село Судай – около ста ветхих домиков, крыши которых покрыты где дранкой, а где и просто соломой. Только выделяются своим двухэтажным деревянным величием несколько домов, олицетворяющих крепкую советскую власть.

В них размещаются: районный комитет Коммунистической партии, районный суд, районный отдел социального обеспечения, районный ЗАГС, районный отдел здравоохранения, районный комитет комсомола, районный отдел народного образования, районный отдел милиции и прочие органы государственной власти, необходимые для управления Судайским районом Ярославской области.

Здесь же располагается такой крайне необходимый в это время орган, как районный отдел Народного комиссариата внутренних дел – НКВД. А с 3 февраля 1941 года – и районный отдел Наркомата государственной безопасности – НКГБ. Все под контролем! Не забалуешь! А забалуешь, так очень быстро пожалеешь об этом. И будешь жалеть всю оставшуюся жизнь и плакать горькими слезами.

А больше всего раньше село украшали, как рассказывала мне моя мать, три величественных, красивых строения из кирпича, украшенные колоннами, оштукатуренные и расписанные образами святых. Колокольни вздымались высоко в небо, прося Господа Бога о ниспослании нам, грешникам, временно живущим на земле, вечного прощения. Все кануло в Лету, все осталось в прошлом.

Понятно, что службы в них сейчас никакой нет. Церковь – опиум для народа! Полный обман населения и отвлечение его от главной задачи на сегодня – построения общества справедливости, равноправия и счастья во все времена. Батюшек только немного жалко. Кого расстреляли, кого разогнали...

Церкви эти стоят теперь обшарпанные, с облупившейся краской и без крестов, а одна из них, на речке Глушице, наполовину разобрана на кирпичи для нужд местного населения, а в оставшейся части устроен склад и конюшня. Теперь они своим внешним видом полностью совпадают с убожеством жилищ местных жителей.

Дороги на улицах раскисшие, с колеями от проезжающих по ним телег с деревянными колесами и набитыми на них металлическими обручами. И повсюду тоже грязища. Куры, утки и гуси возле домов, покосившиеся заборы и большие, теплые, мутные и глубокие лужи кругом! Видно, недавно прошел хороший дождь. Само небо хмурое и неприветливое, пасмурно. В общем, картина совсем не приглядная и не веселая.

В Судайском районном военкомате – в боковой пристройке здания старой церкви – и вокруг стояло, бродило и сидело много трезвых и нетрезвых людей. Плакали женщины и дети, бодрились мужики, будущие солдаты. Стояло полтора десятка машин-полуторок, мобилизованных из соседних колхозов. На примыкающем к церкви кладбище, прямо на могилах, сидело много моих земляков и их родственников. Выпивали, обнимались, плакали, провожали своих отцов, мужей и сыновей на фронт.

Посидели и мы на чужой могилке. Мать с отцом выпили чекушку водки, вторую мать вручила отцу в дорогу. Прощались, обнимались, обещали часто писать друг другу. Но настроение у всех было подавленное. Команда: «По машинам!» Отец махнул из кузова на прощанье рукой и уехал в неизвестность. А мы с матерью знакомой дальней лесной дорогой пошли домой.

На этом мое детство закончилось, в пятнадцать неполных лет остался я старшим мужчиной в доме, главой семьи.

Летом 1941 года наш рабочий поселок Сивеж закрыли. Все взрослое мужское население ушло на фронт. Остались женщины и дети, валить лес было некому. Мы с братом сколотили плот из бревен и сплавили всю семью вниз по реке Кисть в поселок Ворваж. Там работал лесной участок леспромхоза. Мать устроилась рабочей по обработке древесины на берегу. С утра и до вечера она махала топором, обрубала сучья спиленных в лесу деревьев. Очень тяжелый труд, работали зимой и летом на улице. Постоянно горели большие костры, в которых сжигался обрубленный лапник, заодно согревая стучавших топорами рабочих.

Поселились мы опять в бараке, всей гурьбой в одной небольшой комнате. В комнате же стояла кирпичная печь с плитой, которые отапливались дровами. Над ней же сушилась промокшая насквозь брезентовая спецовка матери и ее обувь. На ней же готовили нехитрое варево. А мокрый топор сушился отдельно в углу.

Благо в лесу жили, дров хватало. Общественная баня в поселке присутствовала, по субботам я с удовольствием вел братьев мыться. А вот туалет стоял поодаль от барака, на улице, приходилось бегать туда зимой и летом. Шел мне тогда уже пятнадцатый год, во время войны вполне зрелый возраст.

Наш леспромхоз поставлял на фронт и для народного хозяйства круглый лес – сырье для изготовления фанеры, шпал, спичек, крепежа для горной промышленности, лыж, саней, деревянных ручек для топоров и лопат. Вся Москва отапливалась дровами нашей области. Газогенераторные двигатели машин и тракторов тоже работали на наших березовых чурках. На лесозаготовки проводилась даже мобилизация, приезжали работать колхозники и горожане.

Лес вывозили на лошадях, деревья валили ручными двуручными пилами и топорами. Работа была очень тяжелой, зимой работали по пояс в снегу. В весеннюю распутицу в лесу волокуши и лошади тонули в болотах. Существовал план заготовки древесины, его надо было обязательно выполнять. Дело было подсудное, в лагерях, в местах не столь отдаленных, всегда требовались бесплатные рабочие руки. Попасть туда никто не хотел. Жили по жестким законам военного времени. Всё для фронта, всё для победы. Работали все – и стар и млад, стране нужно было много леса и изделий из него.

К моей большой радости, меня взяли работать подручным кузнеца. Я частенько до этого заходил в кузницу посмотреть, как он работает. Надо сказать, что работа эта мне очень нравилась. Приятно было слышать, как вздыхает кузнечный горн. Видеть, как летят искры из-под молота и из раскаленной заготовки получается красивая и нужная вещь. Кузнец был очень нужным и уважаемым человеком в деревне. Сварки тогда не было совсем, поэтому ремонт всей

колхозной и домашней утвари лежал на его плечах. Все подковы для лошадей были изготовлены им же, лошадей ковал тоже он. Работал я с удовольствием и со временем мог полностью подменить своего учителя.

«Миша, как это у тебя так получается? Из какой-то железяки такая нужная вещь?» Объяснить это я и сам не мог. Получалось, да и все. Как-то само собой все получалось.

Однажды в кузницу приехал подковать лошадь председатель колхоза из деревни Головино Турдиевского сельского совета. Лошадь ему я подковал быстро и качественно. Моя работа ему понравилась, и стал он звать меня кузнецом в свой колхоз. По трудовому договору. Предложение мне пришлось по душе, посоветовался с матерью и согласился. Правлением колхоза определили мне сорок трудодней за месяц и поселили к хозяйке – пожилой женщине, в ее большой деревенский дом. За это колхоз выделял ей десять трудодней в месяц и еще выдавал зерно. Завтраки, обеды и ужины готовила тоже она. Так что я всегда был накормлен. А это главное – на голодный желудок работается плохо, все мысли сводятся к одному: как бы поесть. С работой я вполне справлялся, председатель колхоза был доволен, и моя семья не голодала. Все было бы хорошо, если бы не шла война.

Оставшимся работать в колхозе приходилось очень тяжело. Существовала минимальная норма выработки на одного колхозника, трудодни. В 1940 году она составляла двести девяносто четыре трудодня, а в начале войны увеличилась до четырехсот. Были повышены нормы сдачи сельхозпродукции государству, вдвое увеличен сельхозналог. В то же время работать было некому, все мужское население было в армии.

12 июля 1941 года пленум районного комитета партии постановил: «Привлечь к работе всех женщин, членов семей, подростков и школьников, как колхозных семей, так и семей одиночников, рабочих, служащих и других членов колхозов, проживающих в сельской местности». Пленум определил продолжительность рабочего дня в колхозе: с 4–5 часов утра до 9–10 часов вечера.

Летом 1941 года в колхозах области трудилось 63 тысячи школьников, с седьмого по десятый класс. А летом 1942 года – 125 тысяч человек. Летом 1943 года – 85 тысяч человек. Исключительно девушки направлялись на курсы трактористов, заменив мужчин в этой тяжелой профессии. Правда, тракторов почти не осталось, все отправились на фронт.

Особенно тяжелая обстановка в сельском хозяйстве сложилась в 1943 году. Были приняты чрезвычайные меры. На уборке урожая было задействовано 100 тысяч мобилизованных горожан, школьников и нетрудоспособных граждан. Колхозников, не выработавших без уважительных причин обязательного минимума, отдавали под суд и исключали из колхоза с лишением всех прав. Это была большая беда, надо было как-то выживать и растить детей. В армию из деревень было отправлено примерно 50 тысяч лошадей, 230 тракторов и почти половина парка всех автомобилей. Все работы легли на плечи колхозников, женщин и детей, часто пахали на быках и коровах.

Горе плотно поселилось в деревенских избах, похороны стали частыми гостями в наших краях. Плакали вдовы и матери, без кормильцев оставались дети. И все новые и новые воинские команды уходили из Судайского районного военкомата на фронт.

Всего из Судайского и Чухломского районов Ярославской области с 1941 по 1945 год на фронт было мобилизовано 8504 человека – это почти стрелковая дивизия полного состава. Не вернулись домой с фронта, погибли в бою – 1869 человек. Умерло от ран и болезней на фронте – 132 бойца. Пропали без вести – 1425 человек. Демобилизовано по ранению и болезням – 1200 человек. На фронте погибли также 9 женщин. Общие безвозвратные потери Судайского района в войне составили 3400 человек – это больше стрелкового полка полного состава. Погибло, пропало без вести, умерло от ран три тысячи четыреста солдат – мало ли это, много ли это? Спросите у жен и матерей погибших ребят. Что они скажут? Всего погибло в боях сорок с лишним процентов всех мобилизованных земляков.

А 126 фронтовиков, призванных Судайским районным военкоматом из прилегающих сельских советов – Чертовского, Старовского, Судайского, Харитоновского, Яковлевского, Нагорского, Полторановского, Дорофейцевского, – пропали без вести на полях сражений. Судьба их до сих пор не известна. И что прискорбно, родным их никаких льгот и выплат не полагалось. А вдруг не погиб, а перебежал к врагу? И жена ушедшего в неизвестность мужа, оставшаяся одна с детьми, надеялась только на свои трудовые руки, урожай в огороде и помощь родных.

В 1941 году дела на полях сражений для нас шли плохо. По слухам, враг рвался вглубь страны, и говорили, что фашист стоит у стен Москвы, что реальна сдача столицы немцам. Осенью 1941 – зимой 1942 года существовала прямая угроза вторжения фашистов на территорию Ярославской области. Линия фронта проходила очень близко, всего в пятидесяти километрах от Ярославля. Днем и ночью силами привлеченных на окопные работы жителей области строились два рубежа обороны протяженностью 780 километров. А фашистские самолеты старались прорваться к Ярославлю, совершали постоянные налеты, стремясь вывести из строя промышленные предприятия, мосты, железную дорогу.

Усилилась разведывательно-диверсионная деятельность фашистов на территории нашей области. За годы войны в Ярославской области было арестовано 57 вражеских агентов-парашютистов. В 1942 году – 22 агента. В 1943 году – 31 агент, и 4 агента-парашютиста было арестовано в 1944 году.

Но главной целью немцев была все-таки столица – Москва. Ярославская область стояла на втором плане, оборонять ее не пришлось.

С фронта отец писал редко, сообщал, что полк ведет тяжелые оборонительные бои в Белоруссии, а потом и под Смоленском. А он сам своим станковым пулеметом «Максим» косит врагов с великой ненавистью в сердце. Пока жив и здоров, скучает по семье и по дому. Особенно часто писать письма не имеет возможности, да и письма в этой неразберихе часто теряются. Так что пока все хорошо, а если что с ним случится, так это война. Тогда просил мать простить его за все прошлые «подвиги», вольные и невольные, а в большинстве своем вольные и по пьянке, и продолжать растить детей. А сам он очень надеется когда-нибудь вернуться домой обнять свою семью и любить свою жену, сыновей и доченьку всю оставшуюся жизнь.

И вдруг в самом начале 1942 года в наш дом пришло извещение: «Ваш муж, красноармеец рядовой Грачев Карп Арсеньевич, 1904 г. р., уроженец д. Дьяково Вяльцевского сельского совета Кологривского района Ярославской области, в бою за Социалистическую родину, верный присяге, проявив геройство и мужество, пропал без вести.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии».

Мать почернела от горя, мои братья и сестра плачут. Я держусь, не могу показать слабость, ведь я мужчина, кормилец большой семьи. А душу грызет тоска. Отца больше нет, погиб. Никогда он не вернется домой. Никогда я больше не услышу его голос, и никогда не пойдём мы с ним на охоту и рыбалку. Что-то в моей жизни вдруг перевернулось, как будто я стал сразу взрослей на много лет. Тоска плотно поселилась в моем юном сердце. Но чудо иногда, верь не верь, случается, и оно случилось, обернувшись большим счастьем для всех нас.

В середине 1942 года от него вдруг пришло письмо из госпиталя с далекого Урала. Отец писал, что жив и уже почти здоров, не писал письма по ранению, не мог. В бою грудь навывлет прошила фашистская пуля. Она пробила легкие насквозь. Работал немецкий снайпер, стремясь уничтожить огневую пулеметную точку, перебив расчет. Отец тогда долго лежал без сознания на поле сражения среди убитых, посреди громящего боя.

Окопы и траншеи наши тогда утюжили многочисленные немецкие танки и цепи вражеской пехоты. Гусеницы фашистской боевой машины с крестом на броне почти засыпали его землей, похоронили отца заживо. А когда погибших бойцов собирала похоронная команда, он был обнаружен и подал признаки жизни. Его, слава Богу, не успели похоронить. А если бы

успели, то, надо так понимать, мы больше бы никогда его не увидели. Потом он был отправлен в госпиталь. Долго ехал в санитарном эшелоне и сейчас находится в городе Свердловске на излечении. Теперь чувствует себя почти нормально, отлежался за это время, отъелся, ото-спался, и дело пошло к выписке на фронт.

Радости в нашей семье не было предела. Отец жив! После трех месяцев госпиталя его, как тяжелораненого, отправили служить в тыловые части. На подводе он возил боеприпасы на фронт. Но это тоже был труд не из легких. Ящики с патронами и боеприпасы тоже весили свои килограммы, и все это ему приходилось грузить и разгружать с простреленной грудью! Под теми же бомбежками и обстрелами. На гимнастерке висели орден Красной Звезды и медаль «За отвагу», но простреленные легкие у него болели много лет после войны.

Наступила середина лета, идет военный 1942 год. Село Судай. Пыльная центральная улица. Районный военкомат. «Левой, левой, левой!» На плече лежит вытесанная из доски деревянная винтовка. Старые, почти дырявые ботинки выбивают пыль по улицам села. Наш малолетний взвод в пиджаках и кепках следует к месту учебного боя на окраине села. Я, как боец ростом один метр пятьдесят сантиметров вместе с кепкой, нахожусь в последней шеренге.

Будущие бойцы Красной армии проходят начальную военную подготовку. Сейчас мне пятнадцать полных лет. На фронтах обстановка тяжелая, враг пока одолевает, на душе у людей тревожно.

Летом 1942 года страна реально стоит на грани катастрофы. Красная армия отступает, часто в панике, на восток. Враг всего в 150 километрах от Москвы. В голодной блокаде находится город Ленинград. После жестоких боев потерянный осажденный Севастополь. Фашисты прорвали фронт и захватили Северный Кавказ. Не на жизнь, а на смерть, обливаясь кровью, бьется с фашистами город на Волге Сталинград. Идут кровопролитные, часто безнадежные и в окружении бои на других фронтах. На Юго-Западном фронте в результате окружения под Харьковом двух наших армий в плен к фашистам попали больше 170 тысяч наших солдат и офицеров. Окружена и разгромлена в лесах Новгородской области 2-я Ударная армия генерал-лейтенанта Власова. Командующий сдался в плен и перешел на сторону врага. Под Вязьмой окружена и разгромлена 33-я армия генерал-лейтенанта Ефремова. Командующий и начальник штаба, чтобы не попасть в плен, застрелились. Как и в начале войны, дисциплина в войсках резко упала, присутствуют пораженческие настроения, часто возникает паника. Трудное время. Радоваться нечему. Что-то будет дальше?

Все это, конечно, напрямую сказывается и на настроениях людей в тылу. Наши учебные подразделения разбиты на отделения и взводы. Бывшие фронтовики-инвалиды преподают нам основы военной подготовки. «Ура!» – болванки-винтовки наперевес. Штыковая атака: коли связку березовых веников. Марш-бросок: «Не отставай, бегом! Быстрой!» Пуговицы старого пиджака остались в грязи: «Ползком марш!» Хочется есть. Кормят три раза: завтрак, обед и ужин. Но жидкий суп с капустой и каша на воде не прибавляют сил. Вечером, полностью вымотанные после полевых занятий, изучаем уставы Красной армии, устройство стрелкового оружия и прочие предметы, нужные на войне. Через две недели занятий с утра до позднего вечера проходят зачетные стрельбы.

Больно бьет в плечо трехлинейная винтовка Мосина образца 1891 года. Она очень длинная – один метр шестьдесят сантиметров – и тяжелая. Для меня она и длинновата и тяжеловата. Бабахают три контрольных выстрела. Попал! «Молодец!» Взмах руки – и далеко летит деревянная граната. Стучит коротенькая очередь пулемета «Максим» – экономим патроны. Бьет по ушам всего один выстрел миномета. Больше расходовать боеприпасы нельзя: выделен строгий лимит. Нам преподают только азы, основы. Дают посмотреть, что и как стреляет и как надо прицеливаться и стрелять. Да и мина летит не совсем туда, куда ее хотели послать. Унесло ее куда-то за реку Вигу, там и бахнула. Стрелки мы еще тогда были плохие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.